

ТУВЕ ЯНССОН

МЕМОУАРЫ
МУМИ-ПАПЫ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

ПРОЛОГ

Однажды, когда Муми-тролль был совсем ещё маленький, его папа подхватил страшную простуду — прямо среди жаркого лета. Папа ни за что не хотел пить молоко с мёдом и луком и соблюдать постельный режим. Он сидел на садовых качелях, без конца сморкался и жаловался, что сигары стали невыносимо гадкие на вкус. На траве вокруг валялись носовые платки, которые мама время от времени собирала в маленькую корзинку и уносила в дом.

Насморк никак не проходил, а только становился всё хуже, и тогда папа перебрался на веранду в кресло-качалку, спрятал нос в одеяло, а мама замешала ему большую порцию го-

рячего тодди* с ромом. Но было поздно. Тодди показался ему таким же противным, как молоко с луком, и, махнув на всё лапой, Муми-папа отправился спать в северную мансарду. Папа ни разу в жизни не болел и поэтому отнёсся к своему недугу крайне серьезно.

Когда не на шутку разболелось горло, Муми-папа послал за Муми-троллем, Снусмумриком и Сниффом и собрал всех у своей постели. Он просил их не забывать, что им выпало жить бок о бок с настоящим искателем приключений, а потом велел Сниффу принести ему трамвайчик из морской пенки**, который стоял на комодe в гостиной. Правда, к этому времени Муми-папа так осип, что никто не понял, что он хотел сказать.

Подоткнув больному одеяло, сказав все необходимые слова утешения и сочувствия, а также выдав ему карамельки, аспирин и интересные книжки, домочадцы снова вышли на солнце.

* *Тодди* — горячий чай с мёдом и пряностями, куда добавляют чего-нибудь горячительного, например рома. (Примеч. ред.)

** *Морская пенка* — такой камень, шелковистый на ощупь и очень лёгкий. Он не тонет в воде и бывает белый, серый или розовый. (Примеч. ред.)

Папа лежал в постели и злился, пока не уснул. Когда он проснулся ближе к вечеру, горло отпустило, но он всё ещё злился. Папа позвонил в колокольчик, стоявший у кровати на тумбочке, и Муми-мама немедленно поднялась к нему и спросила, как он себя чувствует.

— Отвратительно, — сказал папа, — но лучше бы ты сейчас проявила интерес к моему трамвайчику из морской пенки.

— Ты имеешь в виду статуэтку в гостиной? — удивилась мама. — А что с ней такое?

Папа сел.

— Ты что, правда не знаешь, какую важную роль этот трамвайчик сыграл в моей жизни? — спросил он.

— Кажется, ты выиграл его в лотерею или что-то вроде того? — отозвалась мама.

Папа покачал головой, высморкался и вздохнул.

— Так я и думал, — сказал он. — А вдруг бы я сегодня утром умер от простуды? Никто из вас так бы и не узнал историю моего трамвайчика. Да и не только трамвайчика — подозреваю, так же обстоит дело и с массой других наиважнейших вещей. Сколько я вам ни рассказывал о своей юности, вы, конечно же, всё позабыли.

— Кое-какие детали и правда стёрлись, — призналась мама. — Память со временем становится так ненадёжна... Не хочешь пообедать? У нас сегодня летний суп из овощей и кисель.

— Фу, как скучно, — мрачно сказал Муми-папа, отвернулся к стенке и надрывно закашлялся.

Муми-мама какое-то время молча смотрела на него.

— Послушай, дорогой, — вдруг сказала она. — Я тут прибирала на чердаке и нашла большую тетрадь. А что, если тебе написать книгу о своей юности?

Папа ничего не ответил, но кашлять перестал.

— Это было бы так кстати — особенно сейчас, когда ты болен и не можешь выходить на улицу, — продолжила мама. — Кажется, это называется муми-ары, да? Когда пишут о своей жизни?

— Мемуары, — поправил её папа.

— А потом ты бы мог читать нам вслух всё, что сочинил. Скажем, после завтрака и после обеда.

— Это так быстро не делается, — проворчал папа, скинув с себя одеяло. — По-твоему,

это легко — написать книгу? Я не прочту вслух ни слова, пока не допишу главу до конца, и сперва я буду читать тебе, а потом уже всем остальным.

— Как скажешь, дорогой, — ответила мама и пошла на чердак искать тетрадь.

— Как он себя чувствует? — спросил Мумитроль.

— Уже лучше, — ответила мама. — Но прошу вас, не шумите, потому что сегодня твой отец начинает писать мемуары.

ВСТУПЛЕНИЕ

Я отец Муми-тролля, сижу у окна, глядя, как светлячки вышивают тайный узор на чёрном бархате вечернего сада. Недолговечные росчерки короткой, но счастливой жизни!

Глава семейства и домовладелец, я с грустью оглядываюсь назад, на свою бурную молодость, о которой задумал написать, и перо неуверенно дрожит в моей лапе.

Однако приведу здесь мудрое высказывание другого великого мыслителя, придающее мне храбрости в моём начинании: «Каждый, кем бы он ни был, совершивший какое-либо достойное — или кажущееся достойным — деяние, если он добродетелен и правдив, должен

собственноручно описать свою жизнь, однако начинать это предприятие следует не раньше, чем он достигнет сорока лет»*.

Я, несомненно, совершил много достойных деяний, и ещё больше таких, которые кажутся мне достойными. Я весьма добродетелен и правдив, если только правда не слишком скучна (а сколько мне лет, я забыл).

Да, я поддался уговорам близких и соблазну рассказать о себе, ибо, честно скажу, стать автором, чьи труды будут читать во всей долине, — невероятно заманчиво.

Так пусть сии скромные записки послужат отрадой и уроком всем муми-троллям, в особенности же моему сыну. Моя память, некогда ясная, к сожалению, уже изменяет мне. Но за исключением отдельных незначительных преувеличений и неточностей, которые наверняка лишь украсят эту автобиографию и добавят местного колорита и живости, я ни словом не погрешу против истины.

Дабы не задеть ничьих чувств, я в своём повествовании заменяю порой филифьонок

* Здесь Муми-папа приводит цитату из автобиографии Бенвенуто Челлини — знаменитого скульптора и ювелира эпохи Возрождения. (Примеч. пер.)

на хемулей, гафс на ежих и так далее, но это никак не мешает проникательному читателю разобраться в подлинных обстоятельствах дела.

Читатель, безусловно, узнает в фигуре Юксаре загадочного отца Снусмумрика и, несомненно, поймёт, что зверёк Снифф — отпрыск Шуссея.

О ты, малое неразумное дитя, склонное видеть в отце своём личность серьёзную и почтенную, прочти этот рассказ о приключениях трёх юношей, впоследствии ставших отцами, и ты увидишь, что все папы похожи (или, во всяком случае, были похожи в молодости).

Считаю своей обязанностью — как перед самим собой, так и перед современниками и потомками — написать о нашей славной, не лишённой безрассудства юности. И мыслится мне, что многие, читая сие сочинение, в задумчивости возденут нос к небу и воскликнут: «Ну и муми-троль!» или «Вот это жизнь!» (Ужас просто, до чего это важный и торжественный момент!)*

* Если вы дочитаете мои мемуары до конца, я бы посоветовал вам вернуться к началу и прочесть их ещё раз. (Примеч. Муми-папы.)

Наконец, хочу выразить горячую признательность всем, кто в своё время помог превратить мою жизнь в жемчужину, каковой она, несомненно, является, — особенно же Фредриксону, хаттифнатам и моей супруге, несравненной и неповторимой Муми-маме.

Муми-долина, август.

Автор

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой я повествую о том, как я рос,
оку́женный непониманием, о первом в моей
жизни Происшествии, о страшной ночи в бегах
и об исторической встрече с Фредриксоном*

авным-давно, унылым и ветреным августовским вечером, на ступенях сиротского мумиприюта была найдена простая плетёная сумка, с какой хозяйки ходят на рынок. В сумке лежал не кто иной, как я, небрежно завёрнутый в старые газеты.

Не правда ли, куда романтичнее было бы уложить меня в маленькую изящную корзинку, выстеленную мягким мхом?!

Меж тем Хемулиха, хозяйка приюта, интересовалась астрологией (исключительно для домашних нужд) и — к чести её надо заме-

тить — выяснила, какие звёзды господствовали на небе в тот день, когда я явился на свет. Звёзды сообщали о рождении незаурядного и одарённого муми-тролля, и Хемулиха забеспокоилась, что я доставлю ей слишком много хлопот (у гениев вообще не лучшая репутация, хотя лично меня это никогда не смущало).

Удивительная вещь — расположение звёзд! Родись я на час-другой раньше, и быть бы мне азартным картёжником; а те, кто родился на двадцать минут позже меня, обнаружили в себе неодолимое призвание играть в духовом оркестре. (Советую всем папам и мамам, прежде чем зачинать дитя, лишний раз подумать и произвести самые тщательные подсчёты.)

Как бы то ни было, когда меня достали из сумки, я трижды чихнул — причём весьма решительно. Полагаю, это что-нибудь да значило!

Хемулиха капнула мне на хвост сургуча и отпечатала на нём магическую цифру тринадцать, ибо до моего появления в приюте сохранилось двенадцать найдёнышей. Все они были одинаково серьёзны, аккуратны и послушны, потому что, к сожалению, Хемулиха мыла их чаще, чем обнимала (цельность её природы заключалась в отсутствии тонких душевных проявлений). Дорогие читатели, пред-

ставьте себе муми-дом, в котором все комнаты тянутся ровными рядами, все прямоугольные и все до единой выкрашены в грязно-жёлтый цвет. Не верите? Во всех муми-домах всегда полно самых неожиданных закутков и тайных комнат, лестниц, балконов и башенок, скажете вы. Во всех, но только не в этом! Хуже того: здесь не позволялось вставать ночью, чтобы поесть, поболтать или прогуляться! (Нас даже в уборную не хотели выпускать!)

Мне нельзя было приносить домой и держать под кроватью симпатичных букашек! Есть и мыться полагалось только в строго определённое время! А здороваясь, надо было держать хвост под углом в сорок пять градусов! Можно ли говорить об этом без слёз?!

Я частенько стоял перед маленьким зеркалом в прихожей и вглядывался в грустные голубые глаза по ту сторону стекла, пытаюсь постичь тайный смысл своего существования. Спрятав мордочку в лапах, я повторял со вздохом: «Совсем один!», «О жестокий мир!», «От судьбы не уйти!» и другие печальные слова — до тех пор, пока мне не становилось легче.

Я был очень одиноким муми-ребёнком, что часто случается с талантливыми самородками. Никто меня не понимал, и меньше всех —

я сам. Конечно, я видел разницу меж собой и другими муми-детьми. По большей части она заключалась в прискорбном отсутствии у них всякой пытливости ума и умения удивляться.

Я, к примеру, мог спросить Хемулиху:

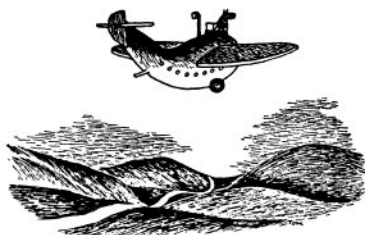
— Почему всё устроено именно так, а не наоборот?

— Наоборот! — хмыкнула Хемулиха. — Ещё чего не хватало. Можно подумать, нам плохо живётся!

Она никогда ничего мне толком не объясняла, и я всё больше уверялся в том, что она просто предпочитает не думать о таких вещах. «Что и когда?» и «Кто и как?» — пустые для хемулей слова. Я спрашивал её, например, почему я — это я, а не кто-то другой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ

5

ВСТУПЛЕНИЕ

10

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой я повествую о том, как я рос,
окружённый непониманием, о первом в моей
жизни Происшествии, о страшной ночи в бегах
и об исторической встрече с Фредриксоном*

14

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*где я ввожу в повествование Шуссея,
представляю читателю гронта Эдварда
и красочно описываю «Морзкой оркестор»
и его незабываемый спуск на воду*

42

221

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой я рассказываю о своём
первом подвиге — спасении утопающих —
и о его волнительных последствиях,
делюсь несколькими соображениями
и описываю поведение клипдассов*

65

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

*в которой моё морское путешествие
подходит к своей наивысшей точке —
великолепной картине шторма —
и завершается кошмарной
неожиданностью*

97

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*где я (пройдя небольшую проверку
на сообразительность) описываю семейство
Мюмлы и Большой Праздник Сюрпризов,
на котором я из рук самого Самодержца
получил волшебный почётный гар*

115

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой я основываю колонию и переживаю
жизненный кризис, а также вызываю
привидение на острове Ужасов*

143

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
*где я описываю, как нашим взорам
горделиво предстал преображённый
«Морзкой оркестор», как он совершил пробный
спуск в пучину вод и какие приключения
сопровождали это событие*

173

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,
*в которой я привожу обстоятельства
свадьбы Шуссея, лёгким пером описываю
полную граматизма встречу с Муми-мамой
и наконец подхожу к глубокомысленному
завершению моих мемуаров*

192

ЭПИЛОГ

216